

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 801.54

ОТНОСИТЕЛЬНЫЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ И АБСТРАКТНЫЕ СУБСТАНТИВЫ В РУССКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ XIX ВЕКА

(ЗАМЕТКИ О РУССКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ ПУШКИНСКОЙ ПОРЫ)

З. К. Тарланов

Институт языка, литературы и искусства им. Гамзата Цадасы ДНЦ РАН

В статье анализируются структура и синтагматика относительных прилагательных и абстрактных субстантивов в русском литературном языке Пушкинского периода. Прослеживается сложный процесс освоения этих групп слов в качестве стандарта. Устанавливается связь между их синтагматикой и состоянием публицистического стиля литературного языка.

The article analyses relative adjective and abstract substantive structure and syntagmatic in the Pushkin's period literary Russian language. The complicated process of their incorporation in the language standard is also being traced. The connection between their syntagmatic and the literary language journalistic style formation is being established as well.

Ключевые слова: русский литературный язык; публицистический стиль; пушкинский период; относительные прилагательные; абстрактные субстантивы; словообразование; синтагматика; норма.

Keywords: literary Russian; journalistic style; Pushkin's period; relative adjectives; abstract substantives; word formation; syntagmatics; standard.

Общепризнанно, что русский национальный литературный язык в главнейших своих чертах сформировался к концу 30-х годов XIX в. и убедительно воплотился в творчестве А.С. Пушкина [1]. В нем не только обобщен богатейший опыт развития русской словесности с конца Средневековья, но и намечены «во многих направлениях пути последующего развития русской литературной речи...» [2] в многообразии ее стилей и стилистических возможностей. Однако при всем этом реальная языковая и речевая практика Пушкинского периода оставалась сложной и противоречивой. Одна из главных проблем состояла в том, в частности, что литературный язык отставал не только от литературы, освящаемой творениями и гением Пушкина, но и от потребностей времени – задач развития просвещения и образования, общественной мысли в целом. Именно это имел в виду А.С. Пушкин, когда писал: «Положим, что русская поэзия достигла уже высокой степени образованности; просвещение века требует пищи для размышления, умы не могут довольствоваться одними играми гармонии и воображения, но ученость, политика и философия еще по-русски не изъяснялись; метафизического языка у нас вовсе не существует. Проза наша так еще мало обработана, что даже в простой переписке мы принуждены *создавать* обороты для изъяснения понятий самых обыкновенных, так что леность наша охотнее выражается на языке чужом, коего механические формы давно готовы и всем известны» [3].

Из оценки Пушкиным состояния современного ему литературного языка следует, что его *функциональная парадигма* еще только-только складывалась и была далека от соответствия *парадигме назревших потребностей общества*. Культурное развитие столкнулось с парадоксом. С одной стороны, поэтический язык, достигнув высочайшего совершенства, ознаменованного творчеством самого Пушкина прежде всего, свидетельствовал о невиданных успехах национальной словесности в первой трети XIX в. А с другой стороны, собственно литературный

язык, по своей природе являющийся универсальной формой национальной культуры и призванный соответствовать уровню этой культуры, расширяя возможности для ее развития, проявлял очевидное отставание, что не могло не беспокоить национального гения. И ему представлялось даже, что «прекрасный язык, под пером писателей неученых и неискусных, быстро клонится к падению» [4]. Признаки «падения» языковой культуры времени Пушкин усматривал, в частности, в искажении слов, в нежелательных грамматических колебаниях, в орфографическом произволе [5].

Что же касается публицистического и научного стиля русского литературного языка, являющегося предметом рассмотрения в данном случае, то он, по оценке В.В. Виноградова, более или менее складывается лишь во второй половине XIX в., а 30–50-е годы – «это только период брожения и смешения разных социально-языковых стилей» [6]. Заметим, кстати, что этого брожения еще больше было в 20–30-е годы. И С.П. Шевырев вполне адекватно выражал общественные ожидания времени, когда в статье «Обозрение русской словесности за 1827 год» писал: «Нужно ли повторить перед Пушкиным, что все с нетерпением ожидают появления "Бориса"? – Нужно ли говорить о том, как вместе с ним зреет язык его, или язык русский?» [7].

Не будем касаться здесь общих и традиционных проблем места и роли книжно-славянских и западноевропейских элементов в структуре формировавшегося литературного языка русской нации. Глубоко содержательный обзор суждений на этот счет, принадлежащих крупнейшим деятелям русской литературной и общественной мысли того времени, содержится в упоминавшемся выше классическом исследовании В.В. Виноградова [8]. Предметом анализа в предлагаемых заметках является часть языкового материала прижизненной критики А.С. Пушкина, содержащегося в прекрасном четырехтомном издании «Пушкин в прижизненной критике», осуществленном под общей редакцией В.Э. Вацура, С.А. Фомичева (первый том) и Е.О. Ларионовой (II–IV тома) в 2001–2008 гг. Материал дает отчетливое представление, с одной стороны, о состоянии критико-публицистического стиля русского литературного языка в 20–30-е годы XIX в., а с другой – о диапазоне языковых фактов в их структурной отнесенности, характеризующих состояние литературного языка в целом, следовательно, о «брожении» не столько социальных, сколько структурных составляющих рассматриваемого стиля. Языковые данные, извлеченные из текстов критических статей 1820–1827 гг., принадлежащих перу выдающихся представителей русской интеллигенции того времени и посвященных разбору творчества А.С. Пушкина, показывают, что функционально востребованными, но в то же время наименее устоявшимися в употреблении предстают некоторые вполне определенные группы слов и форм. При этом они настолько показательны, что могут использоваться в качестве своеобразных факторов диагностирования состояния литературного языка на протяжении всего обозреваемого исторического среза. К подобного рода словам и формам, востребованность которых на первый взгляд может показаться несколько неожиданной, относятся, в частности, *прилагательные, в особенности относительные прилагательные, а также абстрактные отадъективные субстантивы*.

Интенсивно формировавшийся русский литературный язык натолкнулся не только на недостаточность относительных прилагательных как таковых, но и на отсутствие авторитетной социально отлаженной практики их создания в соответствии с моделями грамматической системы. Поэтому вновь создаваемые относительные прилагательные не всегда точно вписывались в контекст. Их сочетания с производящими основами и аффиксами словопроизводства зачастую были лишены органичности. По этой причине выражаемые ими значения нередко оказывались функционально неточными или двусмысленными. Ср., например, значение относительного прилагательного в выделенных словосочетаниях: *Местные описания* в «Кавказском пленнике» решительно можно назвать совершенством поэзии (Плетнев. «Кавказский пленник».) [9]. Чтобы читателям понятнее сделались наши наблюдения, мы приводим здесь некоторые *местные описания* [10]. По тексту получается так, будто речь идет о *местных описаниях*, т.е. об описаниях, предоставляемых на местах [11]. В действительности же имеются в виду *описания местности, т.е. картины местности, созданные поэтическим гением Пушкина*. Во фразе из этой же статьи *Все сии местные частности, схваченные с*

природы, придают поэзии неизъяснимую и прочную красоту [12] соответствующее прилагательное употреблено адекватно значению определяемого слова. В первых двух конструкциях производное слово соотнесено с ложной производящей основой: значения производной и производящей основ разнонаправлены, что подтверждается и показаниями словарей [13, 14].

В состоянии «брожения» попадают и те относительные прилагательные, которые, будучи ориентированными на сосуществующие, но уже семантически расходящиеся варианты производящей основы, не могли не восприниматься несколько двусмысленно: Говоря о простом народе, я не разумею толпы пьяниц, буянов, празднующих ленивцев, но почтенный, работающий и промышленный разряд граждан общества (Воейков. Разбор поэмы «Руслан и Людмила» [15]. Ср. основы промысел и промышл-. Аналогично обстоит дело и со словом промышленность в значении сфера, область деятельности: Появление «Бахчисарайского фонтана» достойно внимания не одних любителей поэзии, но и наблюдателей успехов наших в умственной промышленности, которая также, не во гнев будь сказано, содействует, как и другая, благосостоянию государства (Вяземский. О «Бахчисарайском фонтане» не в литературном отношении) [16]. Ср. также глагол промышлять во фразе П.А. Вяземского из той же статьи, который продолжает реализовывать значение основы промысл: Ибо нет сомнения, что при других обстоятельствах писатели отличные перестанут к ним прибегать и начнут промышлять сами своим товаром. Характерно также смещение и других прилагательных, например, качественного прилагательного могучий, этимологически восходящего к древнерусскому действительному причастию настоящего времени, с церковнославянским причастием того же залога и времени могущий. Церковнославянское причастие заместило собой собственно русский вариант и сохраняет свой изначальный грамматический статус в языке национального периода: Признаемся со смирением, но и с надеждою: есть язык русский, но нет еще словесности, достойного выражения народа могущего и мужественного! (Вяземский. О «Кавказском пленнике») [17].

Часто значения производных прилагательных ориентированы не столько на точность, обычно свойственную сложившимся литературным нормам, сколько на общий план разговорной речи, вследствие чего аффиксы словообразования достаточно свободны в выборе сочетательных возможностей, ср.: ... как скоро освобожусь от удушительного кашля (ср. удушливого. – З.Т.) (Н.Д. Московские записки) [18]. ... одно это и может дать критике непогрешительную достоверность! (Дмитриев. Возражения на разбор «Второго разговора») [19]. Ср. непогрешимую. Или: ... в этом случае искусство есть копия природы, или, говоря иначе, искусство и природа суть значения синонимные (Олин. Ответ г-ну Булгарину) [20]. Ср. синонимичные. Во всем, милостивый государь, должен быть план, относительный к предмету [21]. Ср. относящийся. Вкус требует от изящного произведения подлежательной (художественной? – З.Т.) ясности, или внешней (Карниолин-Пинский. «Бахчисарайский фонтан») [22]; Да будет нам позволено обратить внимание читателей на достоинства, редкие в сатирическом писателе: отсутствие оскорбительной (оскорбленной? – З. Т.) личности и наблюдение (ср. соблюдение. – З.Т.) строгой благопристойности в шуточном описании нравов (Из журнала «Соревнователь просвещения и благотворения») [23]; Первая, изложительная, сцена и вторая, служащая к ней дополнением, – две картины цыганской природы... (Вяземский. «Цыганы». Поэма Пушкина) [24]. Ср. также качественные прилагательные в следующих фразах: В нем-то сверкают молниеносные очерки вольной жизни и глубоких страстей... (Бестужев. Взгляд на русскую словесность в течение 1824 и начале 1825 годов) [25]; Вот одна из характеристических примет нашего времени: стремление к заключениям (Вяземский. «Цыганы». Поэма Пушкина) [26]; С Татьяною поэт также познакомил нас еще во 2-й главе. Она увидела Евгения – все романические герои оживились в романическом ее воображении (Из журнала «Сын Отечества». «Евгений Онегин». Роман в стихах) [27]; Романические поэмы в роде Байрона... с некоторого времени в большой моде у русских (Полевой. Замечания на статью «Взгляд на историю славянского языка и постепенный ход просвещения и литературы в России») [28].

Итак, суффиксы относительных прилагательных в литературно-языковом сознании отчетливо не разграничены. Чаще всего более протяженные из них (производные) склонны к замещению менее протяженных. По-видимому, здесь, кроме всего прочего, сказывается и традиционное субъективно-интеллигентское тяготение к языковым средствам книжного звучания, т.е. к средствам, произведенным с использованием книжных аффиксов. На это совершенно справедливо указывал В.В. Виноградов, характеризуя способы словообразования относительных прилагательных в русском литературном языке XIX в. [29]. Едва ли можно согласиться с Л.А. Булаховским, который считал слова с суффиксом *-тельн-* в языке этого времени «ограниченными в своем употреблении отдельными произведениями» [30]. Ср. также: ... первая (поэма. – З.Т.) вроде «Луизы» Фосса есть также некоторым образом идиллия и описывает *семейственную жизнь* (ср. *семейную жизнь*. – З.Т.) маленьких немецких городков... (Веневитинов. Ответ г. Полевому) [31]; Довольно, что *англинские* критики не знали, что делать с *Бейроном* (с 1827 г. – Байрон. – З.Т.); неужели и русским придет такая же горькая участь от Пушкина? (Полевой. «Евгений Онегин», роман в стихах) [32]; ...русские, будучи удержаны в стремлении своим обстоятельствами самыми неблагоприятными для успехов просвещения, должныствовали заимствовать знания с той точки, до коей оные достигли у *соседственных народов*... (Э.-Ж. Эро. Критическое обозрение русской литературы) [33]. В том же русле может быть квалифицирована и форма родительного падежа со значением принадлежности, но с изменением рода лица, о котором говорится, ср.: ... оно (произведение. – З.Т.) уже в руках у каждого образованного читателя... *друга и недруга музы Пушкиной*... (Шаликов. «Евгений Онегин». Роман в стихах) [34]. Речь идет, конечно же, о музы Пушкина, но не Пушкиной.

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что манера и способы словообразовательно-грамматического оформления относительных прилагательных являются одним из чутких отражений состояния литературного языка и наряду с некоторыми другими фактами могут использоваться в качестве ключа к диагностированию степени его нормированности и стабильности в соответствующий исторический период. Верность этого положения подтверждается как аналогичными показателями несколько расшатанной современной русской речевой культуры (ср. сочетания *президент-отель, бизнес-шоу, тест-показания* и под.), так и свидетельствами истории русского языка в целом.

Одна из примет литературно-критических текстов 20-х годов XIX в. состоит и в том, что в них много колеблющихся, тем самым локализованных в этом времени форм и слов среди существительных, если судить о них с позиций норм, утвердившихся несколько позже, см., напр. [35]. Существенная их особенность сводится и к тому, что их употребление характеризуется большей ориентированностью на старину и архаику. Это, в частности, – и необычно созданные абстрактные субстантивы со смазанной, внутренне недифференцированной семантикой, и окказиональные субстантивы со значением лица, образованные по продуктивным моделям агентивного словообразования, но с отклонениями от соответствующей словообразовательной структуры; и колеблющиеся родовые формы субстантивов, их грамматический облик, склонение; и субстантивы с нарушенной семантико-функциональной мотивировкой; и формы множественного числа вместо единственного и т.д.

Как показывает словоупотребление в текстах критических статей и журнальных обозрений, в русском литературном языке эпохи еще не сложились многие кодифицированные образцы, авторитетные стереотипы целенаправленного словопроизводства, в том числе и субстантивного. Субстантивные суффиксы с абстрактной семантикой зачастую используются вразрез с заложенными в них сочетательными и функционально-выразительными возможностями, что нередко затрудняет само понимание их смысла, например: Не буду говорить о *европейской читательности* наших читателей, которые не читают русского, потому что в нем нет чего-то европейского... [36]. В приведенном тексте обращает на себя внимание выделенное существительное, понять собственный словарный смысл которого достаточно сложно. В нем отвлеченный суффикс *-ность* наложен на производящую основу, которая, включая в себя типично агентивный суффикс *-тель*, не приемлет, не предусматривает именно того развертывания семантики

производной основы, которая реализована. Поэтому результатом словопроизводства оказался своеобразный словообразовательный оксюморон – абстрактная конкретность'. Абстрактно-субстантивный дериват на базе производящей основы с суффиксом -тель в соответствии с системной заданностью в словообразовании может быть лишь собирательным, называющим лиц по признаку общности их профессиональной деятельности (ср. учитель – учительство). Однако в рассматриваемом случае подобное образование исключено. В высказывании же **доброта изделия зависит от искусства производителя** [37] в производном слове доброта неорганично сочетание обеих его составляющих – и производящей основы добр-(ый), и абстрактного суффикса -от-а. В производном слове принудительно слитыми оказались, таким образом, два принципиально разных и хронологически разделенных языковых значения: отвлеченный признак 'отзывчивый, дружески расположенный', закрепившийся за исторически первичной основой добр-(ый), и отвлеченный признак 'хорошо сделанный, обладающий большой прочностью', который закономерно отошел к новому, исторически вторичному, производному прилагательному добротн-(ый) [38]. Таким образом, в рассматриваемом тексте для создания нового слова использована старая основа прилагательного добрый с сохранением его архаичного значения, не удовлетворяющего уже функциональной потребности языка новой эпохи и отошедшего на периферию речевой практики. В русском же литературном языке более позднего времени и прилагательное добрый, и прилагательное добротный образуют свои абстрактные существительные, но – от разных основ и с помощью разных суффиксов, а именно: добр-(ый) + (-от-а) = доброта 'отзывчивость, сочувствие, дружеское расположение к людям' и добротн-(ый) + (-ость) = добротность 'то, что хорошо сделано, из прочного материала' [49].

Аналогичны контекстуальные ситуации, связанные с функционально не отграниченным употреблением отвлеченного же субстантива новость в значении новизна, ср.: ... не читавших мы не хотим лишать **новости** в наслаждении выпискою стансов..., ибо их должно читать вполне [40]; Хвалить можно, но лучшая похвала «Братьям-разбойникам» будет, если кто-нибудь разберет каждый стих и вникнет в силу, красоту, **новость мыслей и выражений** [41]. Как известно, в русском литературном языке XX столетия засвидетельствованы три отгадективных субстантива с разными значениями, образованные от одной и той же производящей основы нов-(ый) посредством трех разных суффиксов отвлеченной семантики: суффикса -ость, суффикса -изн-а и суффикса -шество-о.

Словарь русского языка в четырех томах разграничивает их значения следующим образом: *новость* – это 'свойство и качество по прилагательному *новый* – «вновь открытый, изобретенный», «незнакомый» [42]; *новизна* – это 'свойство и качество по прилагательному *новый* – «вновь открытый, изобретенный», «незнакомый, малоизвестный; новизна дела» [43]; наконец, *новшество* значит 'что-либо новое, вновь созданное, примененное и т.п.; нововведение' [44]. В последнем случае почему-то нет отсылки к производящей основе. Нетрудно заметить, однако, что приведенные толкования нельзя считать вполне адекватными. По ним трудно понять, чем одно слово содержательно отличается от другого, хотя отличия, кажется, очевидны. Об очевидности различий свидетельствует и тот факт, что слова, являющиеся производными от одной и той же частеречной основы, тем не менее, скорее находятся между собой в отношении дополнительной дистрибуции, чем в свободном чередовании. Они поэтому по-разному участвуют в текстообразовании. Несмотря на это, те же словарные толкования без всяких изменений воспроизводятся и во втором, исправленном и дополненном, издании упомянутого Словаря [45].

Если иметь в виду общий план, то семантические различия между словами *новость*, *новизна*, *новшество*, абстрактно выражающими один и тот же адъективный признак, сводится, на наш взгляд, к следующему: каждое из них дифференцировано, в разной мере представляет степень новизны, заключенной в производной основе. По сравнительно актуализируемой степени новизны они должны быть расположены в последовательности: *новость* – *новизна* – *новшество* – линия детализации, линия конкретизации по нисходящей. В то же время они различаются между собой и объемно: в обратном направлении по той же линии, в направлении справа налево семантический их объем, наоборот, увеличивается.

Это значит, что семантически *новшество* является одним из компонентов *новизны* так же, как *новизна* – *новости*. Некоторые намеки на такого рода различия в значениях рассматриваемых слов улавливаются в Словаре В.И. Даля, когда он как будто бы выстраивает их в следующем порядке: *новость* – ‘качество, свойство нового, всего, что ново’; *новизна* – ‘состояние всего нового, нововведение, новый обычай’; *новшество* – ‘введение новизны, новых обычаев, порядков’ [46]. Та же логика прослеживается у В.И. Даля и в процедуре толкования, когда значение последующего в семантическом ряду, детализующего слова, объясняется путем отсылки к более общему значению предыдущего слова. Однако в словарных формулировках отчетливая семантическая градация слов не отмечается.

В действительности, как показывает устоявшаяся речевая практика, семантико-функциональные параметры рассматриваемых слов в уже сложившемся и утвердившемся литературном употреблении существенно разные. Эта разность заключается, в частности, в том, что словом *новизна* выражается грань нового, а словом *новшество* – грань *новизны*. А само новое – это то, что осознается в противоположении привычному, известному, следовательно, традиционному.

Эти тонкие семантические нюансы однокоренных отагдъективных субстантивов формируются и оттачиваются в речи вместе со стилистическим совершенствованием литературного языка в целом. Из сказанного об образовании и функционировании абстрактных субстантивов в текстах рассматриваемого периода следует, в частности, и тот вывод, который уже был сформулирован применительно к диагностирующей роли относительных прилагательных. В этом отношении обе группы слов идентичны и характеризуют русский литературный язык в процессе его активного становления.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Виноградов В.В.* Очерки истории русского литературного языка XVII–XIX веков. М.: Высш. шк., 1982. С. 250, 294.
2. Там же. С. 250.
3. *Пушкин А.С.* О предисловии г-на Лемонте к переводу басен И.А. Крылова. Цит. по: Русские писатели о языке (XVIII–XX вв.) / под ред. Б.В. Томашевского и Ю.Д. Левина. Л., 1954. С. 76.
4. *Пушкин А.С.* Из письма в Российскую Академию // Русские писатели о языке (XVIII–XX вв.). С. 77.
5. Там же. С. 77.
6. *Виноградов В.В.* Очерки истории русского литературного языка XVII–XIX веков. С. 371.
7. *Шевырев С.П.* Обзорение русской словесности за 1827 год // Пушкин в прижизненной критике. 1828–1830 / под общ. ред. Е.О. Ларионовой. СПб., 2001. С. 35.
8. *Виноградов В.В.* Очерки истории русского литературного языка XVII–XIX веков. С. 329–371.
9. Пушкин в прижизненной критике. 1828–1830. С. 117.
10. Там же.
11. Там же. С. 256–257.
12. Там же. С. 119.
13. *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. II. М., 1955. С. 369–370.
14. Словарь русского языка: в 4 т. Т. II. М., 1958. С. 350–351.
15. Пушкин в прижизненной критике. 1828–1830. С. 58.
16. Там же. С. 189.
17. Там же. С. 150.
18. Там же.
19. Там же. С. 184.
20. Там же. С. 206.
21. Там же.
22. Там же. 211.
23. Там же. 260.
24. Там же. С. 320.
25. Там же. С. 292.
26. Там же. С. 318.
27. Там же. С. 327.
28. Там же. С. 335.

29. *Виноградов В.В.* Русский язык. Грамматическое учение о слове. М.; Л., 1947. С. 214.
30. *Булаховский Л.А.* Русский литературный язык первой половины XIX века. М., 1954. С. 98.
31. Пушкин в прижизненной критике. 1828–1830. С. 279.
32. Там же. С. 263.
33. Там же. 336.
34. Там же. 260.
35. Лексика русского литературного языка XIX – начала XX века / отв. ред. Ф.П. *Филин*. М.: Наука, 1981. С. 29–36.
36. Пушкин в прижизненной критике. 1828–1830. С. 196.
37. Там же.
38. *Срезневский И.И.* Материалы для словаря древнерусского языка: в 3 т. Т. I. С. 680–682.
39. Словарь русского языка: в 4 т. Т. I. М., 1957. С. 555.
40. Пушкин в прижизненной критике. 1828–1830. С. 226.
41. Там же. С. 293.
42. Словарь русского языка: в 4 т. Т. II. М., 1958. С. 691
43. Там же. С. 689, 691.
44. Там же. С. 691.
45. Словарь русского языка: в 4 т. Т. II. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 1983. С. 504–505
46. *Даль В.* Указ. соч. Т. II. С. 549–550.

*Поступила в редакцию 04.02.2013 г.
Принята к печати 26.06.2013 г.*